

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

59

Г. С. МАРТЫНОВ

ИССЫКСКАЯ НАХОДКА

В 1953 г. в 10 км от пос. Иссык Эмбекши-Казахского района Алма-Атинской области Казахской ССР учениками Иссыкской средней школы обнаружены на дне неглубокого оврага торчавшие из земли металлические ножки какого-то предмета. Заинтересовавшись, школьники начали раскапывать землю и извлекли три медных котла, один железный (чугунный) котел, два медных блюда, один медный жертвенник и остатки какого-то железного, изъеденного ржавчиной и развалившегося на мелкие кусочки изделия. Все три медных котла лежали опрокинутыми вверх ножками. Условия находки и глубину залегания вещей определить не удалось, так как мы попали к месту находки на третий день. Однако создалось впечатление, что вещи лежали в яме диаметром около 2 м, глубиной 2,5—3 м. Вода, постепенно размывавшая овраг, очевидно, смыла нижнюю стенку ямы, но падающий сверху водопад не затрагивал вещей, лежавших в своем первоначальном положении. Бросается в глаза количество предметов в кладе, хотя в Семиречье находки больших кладов не являются редкостью.

Один из трех медных котлов был на подставке, два других — на трех ножках. Первый котел (№ 1) — литой, с полусферическим дном на подставке в виде полого внутри раструба с вогнутыми внутрь стенками. В верхней части тулово сосуда слегка плавно сужено, тогда как венчик его немного отогнут. Котел имеет две горизонтальные ручки, ниже которых его опоясывают три рельефных валика. Между ручками две петли. Высота котла 41 см, наибольший диаметр 44 см, высота подставки 14 см (рис. 63 — 1).

Точной аналогии этому котлу нет ни в коллекции Государственного музея Казахстана, ни в археологической литературе¹. Он уникален даже среди скифских котлов и представляет собой вариант формы скифских сосудов на подставке, находимых в различных частях СССР.

Следующий котел, который мы обозначаем № 2, самый большой из найденных. Тулово такое же, как и у первого; общая высота 51 см, высота тулова 33 см. На дне снаружи имеется утолщение треугольной формы, в углы которого вставлены и припаяны три изогнутые ножки, отлитые отдельно (рис. 63 — 3, 4).

Третий бронзовый котел (№ 3) ничем не отличается по форме тулова от предыдущих, а его три ножки по технике изготовления и прикреплению их ко дну аналогичны всем трехногим котлам казахстанской коллекции (рис. 63 — 2). Следует отметить, что все три котла имеют по две горизон-

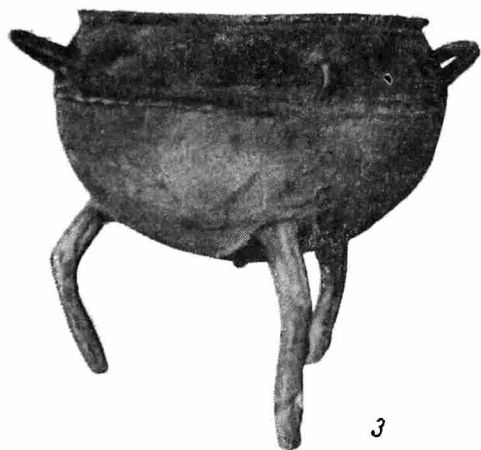
¹ Некоторое сходство с котлом из Иссыкского клада имеет котел, опубликованный А. Н. Бернштамом (МИА, № 15, табл. ХСV, рис. 59).

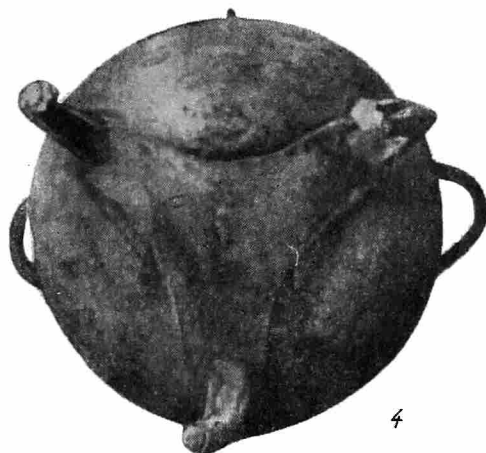
1

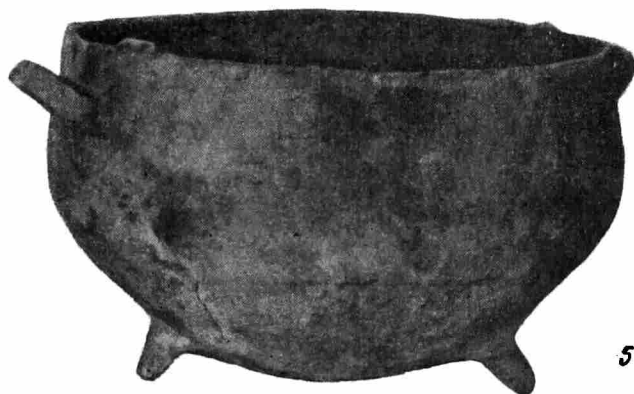
2

3

4

5

Рис. 63. Котлы из Иссыкского клада:

1 — медный котел № 1 на полой подставке; 2 — медный котел № 3; 3 — медный котел № 2;
4 — тот же котел, вид дна; 5 — железный (чугунный) котел.

тальные ручки и по две вертикальные петли. У каждого ниже ручек, примерно на высоте петель, расположен поясok из трех рельефных валиков в виде плетеных веревочек, концы которых связаны узлом.

На внутренних сторонах стенок обнаружена интересная деталь. Здесь отчетливо выделяются рельефные отпечатки соломы, обломков тростника и зерен злаковых растений. Наличие таких отпечатков, вероятно, связано с тем, что формы для отливки котлов изготовлялись из глины, смешанной для лучшей связи с половой. Зерна и наиболее крупные куски соломы, находившиеся на поверхности формы, выжигались, и их места заливались расплавленной медью, оставлявшей рельефные изображения. На наружной

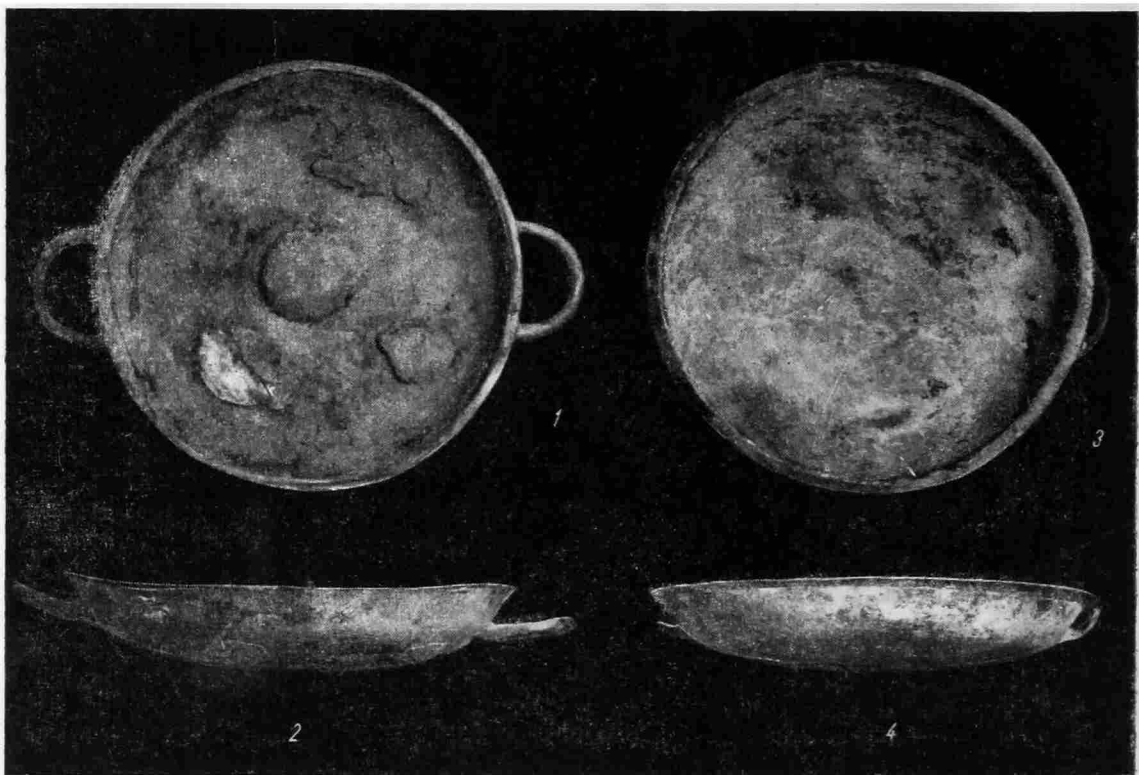

Рис. 64. Медные блюда из Иссыкского клада:

1, 2 — блюдо № 1; 3, 4 — блюдо № 2.

поверхности подобных следов нет потому, что поверхность в результате длительного употребления котла сглаживалась и все неровности на ней исчезали.

Следы соломы и зерен могут служить неопровержимым доказательством того, что население, пользовавшееся этими котлами, занималось земледелием, а следовательно, были и центры оседлой жизни, где, вероятно, и сосредоточивалось производство медных котлов, жертвенников, светильников и других предметов.

Рядом с котлами в Иссыкском кладе стояли вложенными одно в другое два медных блюда (рис. 64). На внутренней поверхности одного из них — след круга, а на дне другого — полусферическая выпуклость. Этим и ограничивается их орнаментация. По форме блюда типичны для греко-бактрийского производства. Однако они проще, изготовлены грубее, а техника их отливки близка к технике отливки котлов; близок и состав металла, что подтверждено анализом.

Самым интересным из предметов Иссыкского клада является медный жертвенник. Он состоит из четырех отдельно отлитых частей: блюдо, фигурка человека, лошади и подставка (рис. 65, 66).

Блюдо укреплено на подставке (припаяно), ажурный узор на которой сделан при помощи зубила. Узор состоит из дуг, расположенных в четыре яруса по пять дуг в каждом, так что каждая дуга вышестоящего яруса меньше нижних и упирается своими концами в вершины двух расположенных ниже дуг. Высота подставки 19 см, длина окружности основания 66 см. Подставка почти в точности повторяет подставку иссыккульского жертвенника¹, находящегося во Фрунзенском музее Киргизской ССР.

Блюдо не орнаментировано, диаметр его 25,7 см. На нем укреплены фигуры: сидящего человека, и за ним — лошади, для чего в дне блюда сделаны отверстия, в которые вставлены и припаяны отлитые в нижней части фигур медные стержни.

Фигурка человека со скрещенными поджатыми ногами прикреплена у края блюда. Лицо человека с ярко выраженными монголоидными чертами. Левой рукой он опирается на бедро. Возможно, что в этой руке всадник держал поводья от уздечки стоящей за ним лошади; в правой руке — предмет вроде сосуда цилиндрической формы. Однако сосуд не имеет дна, и не исключена возможность, что это нечто в виде кольца, через которое пропусклся фитиль, во время ритуальных церемоний зажигавшийся как факел.

Поза, одежда и лицо фигурки человека находят аналогии в двух фигурах, изображенных на золотой пластинке сибирской коллекции².

Одежда всадника с иссыккульского жертвенника состоит из головного убора типа шлема, узкой короткой куртки без воротника, туго перетянутой в талии широким поясом, узких штанов и мягкой кожаной обуви. Лошадь низкорослая, с мощной шеей и большой головой. На голове лошади узда, состоящая из двух суголовных, двух подбородочных ремней и одного ремня переносья. Налобного и подгубного ремней нет. Ясно заметны псалии. Грива и чолка подстрижены. На холке оставлен пучок длинных волос, за который должен браться рукой человек, сажающийся на лошадь. Хвост завязан узлом и достигает коленного изгиба задних ног. На лошади, видимо, было седло: заметны следы его по линии прохождения подпруги, а на спине сохранилось отверстие для прикрепления.

Кроме упомянутых медных котлов, в кладе был найден и железный или, вернее, чугунный котел. Он, как и медные, — литой, но с округлым эллипсоидным дном. На высоте 14 см от основания стенки котла круто поднимаются вверх и суживаются к краям. Диаметр котла по венчику равен 119 см, общая высота его 24 см, толщина стенок 7—8 мм (рис. 63—5).

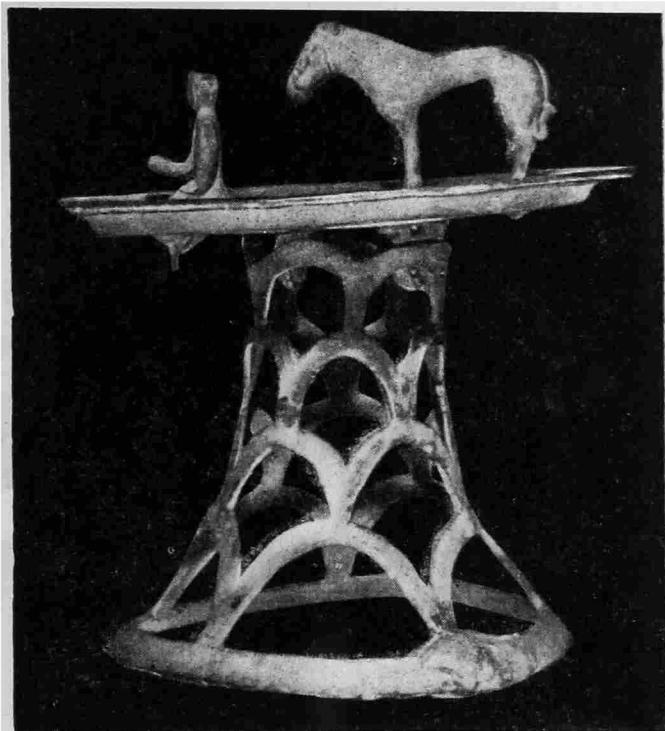
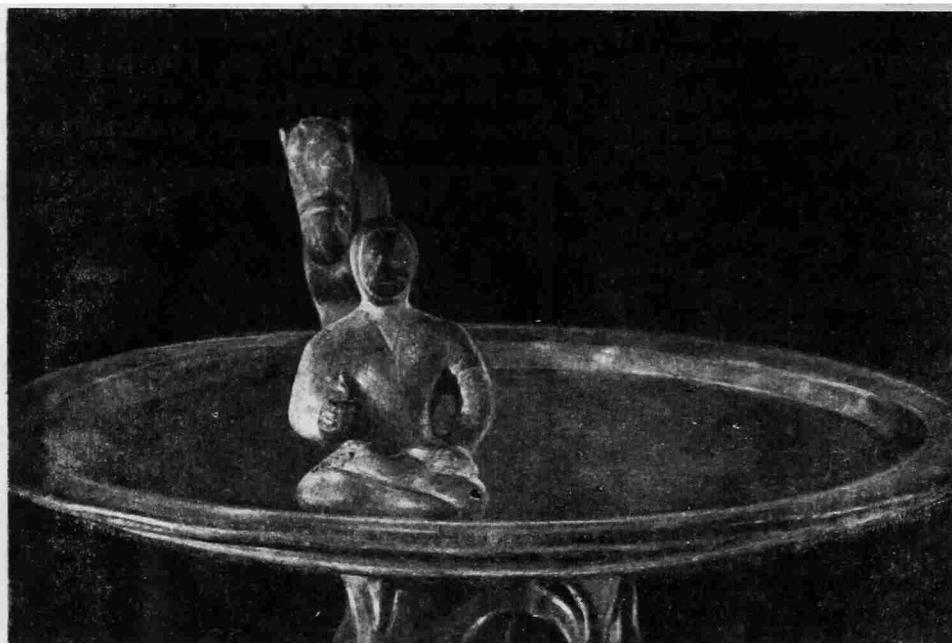

Рис. 65. Медный жертвенник из Иссыкского клада.

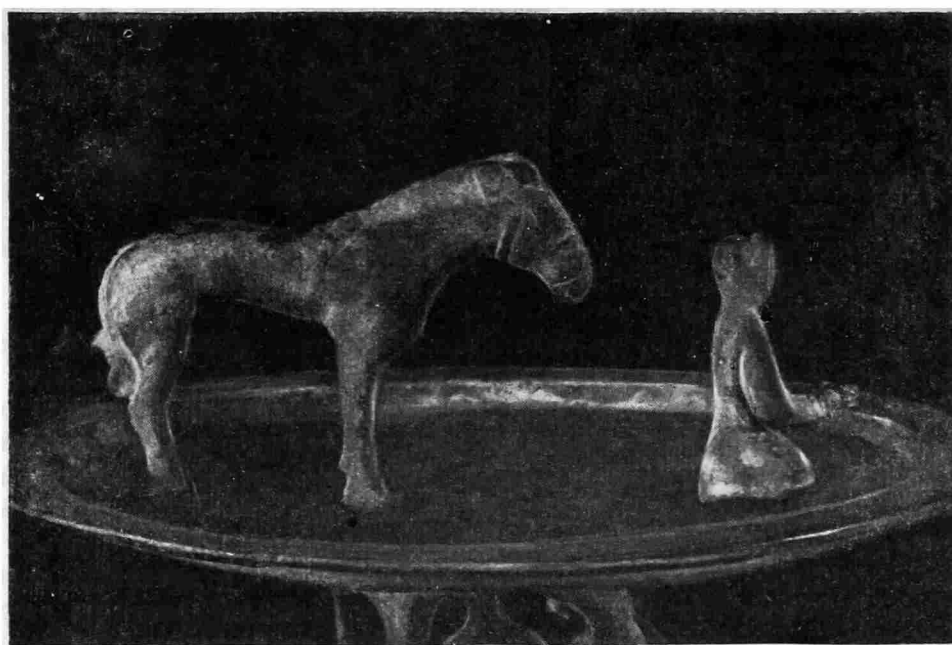
¹ Б. М. Зимм а. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1941, рис. 1.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, рис. 71.

К тулову приделаны две ручки и три ножки. Техника отливки чугуного котла подобна технике отливки медных, однако способ прикрепления ручек и ножек совершенно иной. К медным котлам они припаивались; в чугунном же котле в изготовленную глиняную форму в определенных местах вставлялись заранее отдельно отлитые в особой формочке ручки и

1

2

Рис. 66. Деталь медного жертвенника из Иссыкского клада:

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

ножки. Затем форма заливалась расплавленной массой чугуна, которая схватывала концы ручек и ножек и крепко соединялась с ними. Ручки дугообразные, толщиной около 1 см. Ножки, сделанные в виде усеченного конуса, широкими основаниями обращены к тулову. На концах имеются плоскости шириной 0,5 см. Ножки приделаны к тулову котла так, что их концы находятся на одном уровне с самой нижней точкой дна. Это делает

сосуд чрезвычайно устойчивым. На венчике котла заметны два желобка шириной по 3 см, происходящие, видимо, от случайной деформации венчика. Котел имеет несколько сквозных трещин, которые в свое время были запаяны. Заливка делалась с внутренней и с наружной стороны. Никаких следов поковки на котле и на заплатах нет.

В кладе обнаружены многочисленные железные обломки какого-то другого железного изделия. Путем длительного и тщательного подбора обломков удалось собрать часть этого изделия (восьмую часть), по которой восстановлен весь предмет. Это оказался кованый железный жертвенник высокого художественного мастерства (рис. 67).

Жертвенник состоит из квадратного подноса, укрепленного на ажурной подставке в форме четырехгранного раструба с вогнутыми внутрь гранями.

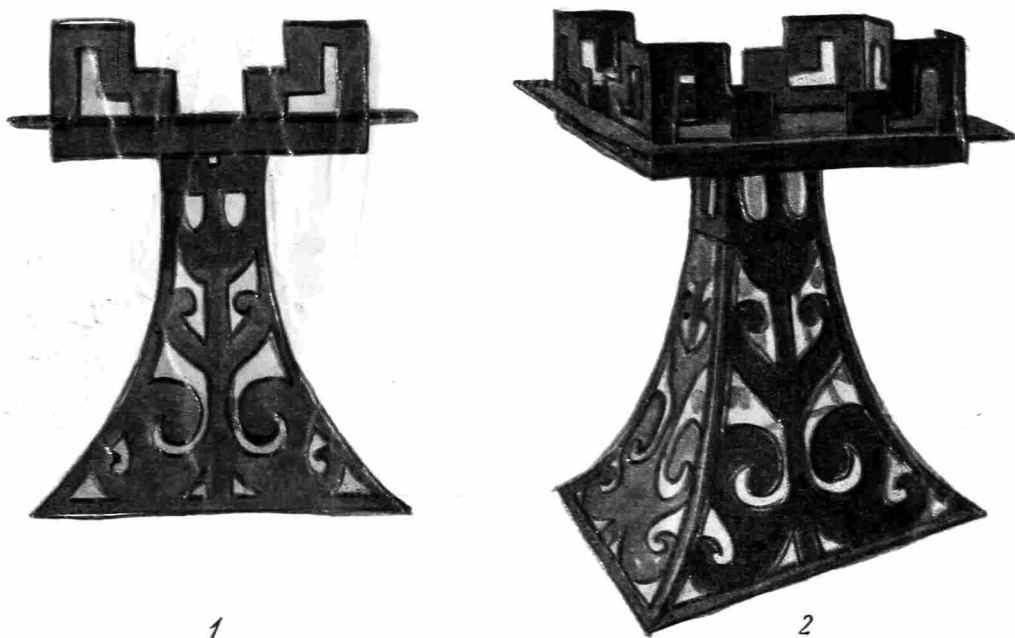

Рис. 67. Железный жертвенник из Иссыкского клада:

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку.

Ширина подставки у основания 27 см, у венчика 7,5 см. Весь жертвенник сделан из кованых железных пластинок, скрепленных железными заклепками. Общая высота его 36 см, высота подставки 26 см. Поднос жертвенника глубиной 2,8 см, длина каждой стороны 30 см. По всем четырем углам поставлены декоративные бортики высотой 7,2 см.

Жертвенник представляет особенный интерес по своему художественному оформлению. В его орнаментальных украшениях много общего с орнаментами на вещах современных казахов. Например, четыре звена дополнительного борта, которые даны при оформлении подноса, у казахов называются «торт кулак» («четыре ушка») и до настоящего времени ставятся по углам четырехугольных архитектурных сооружений на могилах («молла»). Точно так же древовидный орнамент подставки, включающий элементы типичного для казахской орнаментики «кошкар мюиз» (бараний рог), встречается в разных вариантах на казахских современных изделиях.

На основании аналогии с подобными памятниками мы считаем возможным датировать иссыкские находки IV—I вв. до н. э., т. е. сако-усуньским периодом в Семиречье.

Из найденных за последнее время наиболее интересен клад, открытый в 1948 г. в 15 км от г. Алма-Ата и состоявший из шести медных котлов. Один из них был богато украшен: по его венчику лежал обруч (изобра-

жение «кошкар мюиз»), концы которого завершались скульптурными изображениями двух голов горных козлов (рис. 68). Обруч, видимо, был прикреплен к крышке, которая не сохранилась. Количество находимых котлов в окрестностях Алма-Аты подтверждает правильность предположения, что часть котлов из коллекции Казахского государственного музея можно назвать «семиреченскими» и что центр их производства находился где-то в окрестностях Алма-Аты.

Благодаря наличию месторождений меди и железа на территории Казахстана развитие металлургии в древности шло здесь быстрыми темпами.

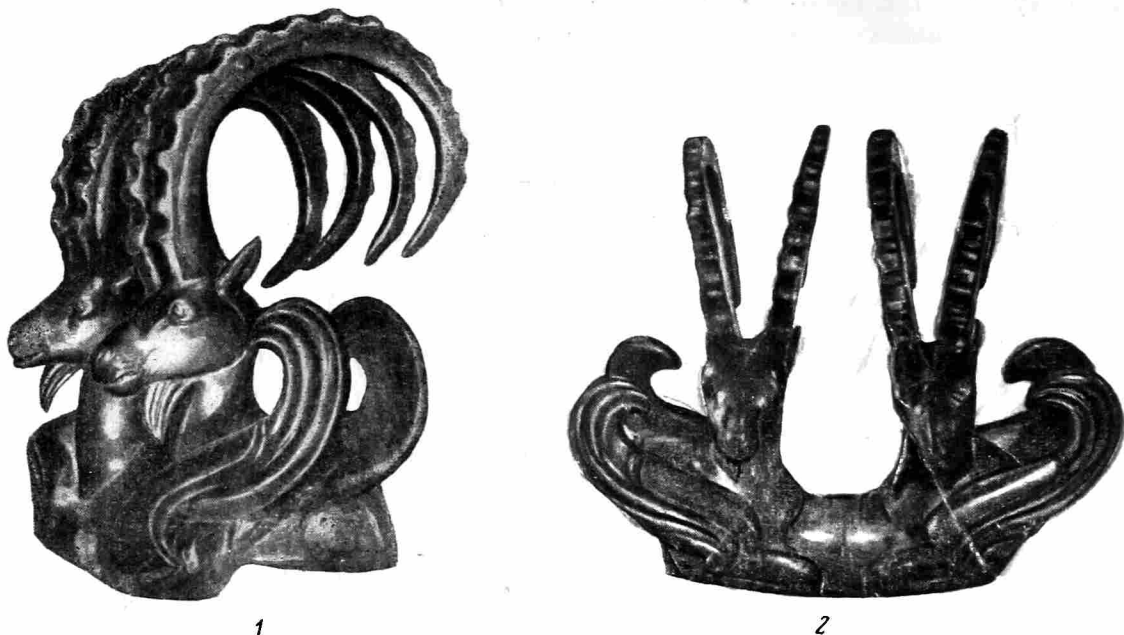

Рис. 68. Головки козлов (деталь украшения крышки медного котла из клада 1948 г.):

1 — вид сбоку; 2 — вид спереди.

Уже в период андроновской культуры, т. е. в середине II тысячелетия до н. э., здесь появилось несколько центров металлургии, следы которых мы находим в районах Джезказгана, Балхаша, на Алтае и Джунгарском Ала-Тау. Вследствие этого, несмотря на очень ранние торговые и культурные связи народов Восточного и Южного Казахстана и Семиречья с Ираном, Грецией, Китаем, культура здесь складывалась самобытно.

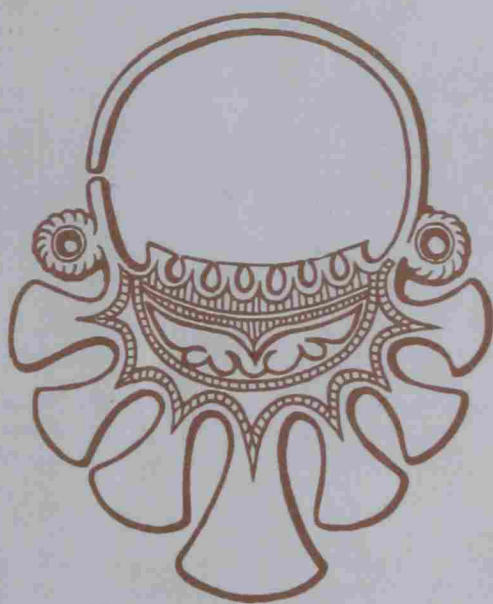
Иссыкский клад найден в предгорьях Заилийского Ала-Тау, на последнем невысоком уступе, переходящем уже в равнину. В летнее время, покидая выжженные степи, скотоводы со своими стадами поднимались на предгорья, постепенно двигались все выше и выше и, достигнув высокогорных лугов, проводили там жаркую часть лета.

Уходя с зимней стоянки в горы, где трудно перевозить такие вещи, как тяжелые и неудобные медные котлы, изящные и хрупкие жертвенники, светильники и другой инвентарь ритуального назначения, племя оставляло эти вещи на месте весеннего празднования, зарывая в землю. Предполагалось, что осенью, при возвращении обратно, оставленные вещи будут найдены. Но иногда по каким-то причинам племена не возвращались к прежним местам, и спрятанные «клады» оставались на многие века в земле. Таково происхождение, видимо, и Иссыкского клада, зарытого в землю около двух тысяч лет назад.

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993

1

— 2^е изд. —

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ

В археологической литературе 60—70-х годов о памятниках эпохи бронзы Семиречья сложилось представление как о немногочисленных и бедных по инвентарю. Основным источником сведений об эпохе бронзы данного региона по-прежнему служил могильник Каракудук, расположенный вблизи известного урочища с петроглифами Тамгалы. Планомерное изучение памятников этого времени в 80-е годы позволило выявить большое количество могильников в Джамбулской, Алма-Атинской и Талды-Курганской областях (рис. 1). В Алма-Атинской и Талды-Курганской областях было обнаружено несколько поселений. В настоящее время на территории Джамбулской обл. обнаружены большие могильники эпохи бронзы в широкой долине между хребтом Анрахай и Чу-Илийскими горами, у разьезда Курдай; у ст. Чокпар и Алайгыр, на горном плато в Чу-Илийских горах, в урочище Ой-Джайляу и у пос. Масанчи. В Алма-Атинской обл. это могильники у с. Фабричный, в урочище Майбулак; у с. Аксай; в высокогорье в районе ущелья Кульсай; в Талды-Курганской обл. у с. Бигащ, у с. Талапты, в урочище Куйган, у с. Ленина и др. В районе с. Талапты обнаружено и два поселения. Кроме того, небольшие могильники, состоящие из 5—10 оград, обнаружены в Заилийском Алатау и Кунгей-Алатау, в горах Анрахай и предгорьях Дунгарского Алатау. Стационарные исследования проводились у с. Талапты на поселении и двух могильниках, в урочище Куйган на поселении и трех могильниках и в урочище Тамгалы на трех могильниках эпохи бронзы и в урочище Ой-Джайляу. Исследования проводились таким образом, чтобы иметь представление о материальной культуре племен эпохи бронзы Семиречья, населявших степную зону (Тамгалы), предгорья (Талапты) и район горных плато (Ой-Джайляу). В ходе исследований установлено, что в районе крупных могильников имеются, кроме того, поселения (Майбулак, Талапты, Куйган) и петроглифы. Многолетнее изучение позволило рассматривать их как единые археологические комплексы. Такой подход стал возможным, когда было установлено регулярное взаиморасположение поселений, могильников и петроглифов на местности и установлена взаимосвязь между ними. Материал, полученный при раскопках, позволил также уточнить датировку петроглифов. В данной статье мы рассмотрим три основных комплекса эпохи бронзы Семиречья: Тамгалы, Ой-Джайляу и Талапты.

Археологические памятники урочища Тамгалы. Урочище Тамгалы расположено в 170 км к северо-западу от г. Алма-Аты, в горах Анрахай. В 1957 г. А. Г. Максимова обнаружила в ущелье петроглифы эпохи бронзы, раннего железного века и тюркского времени. В 1977 г. произведены опись, фотографирование петроглифов, издан альбом. С 1982 г. в ущелье экспедицией КазПИ имени Абая ведутся раскопки трех могильников. Могильник Тамгалы I расположен в 150 м к северо-западу от входа в ущелье на предгорной равнине. Часть погребений не выявлена из-за сильно задернованной местности. Могильник состоит из отдельных подквадратных оград (рис. 2, б). В каждой ограде устроено одно погребение взрослого человека в ящике. Детские погребения примыкают к ограде захоронения взрослого с внешней стороны и своих оград, за исключением не-

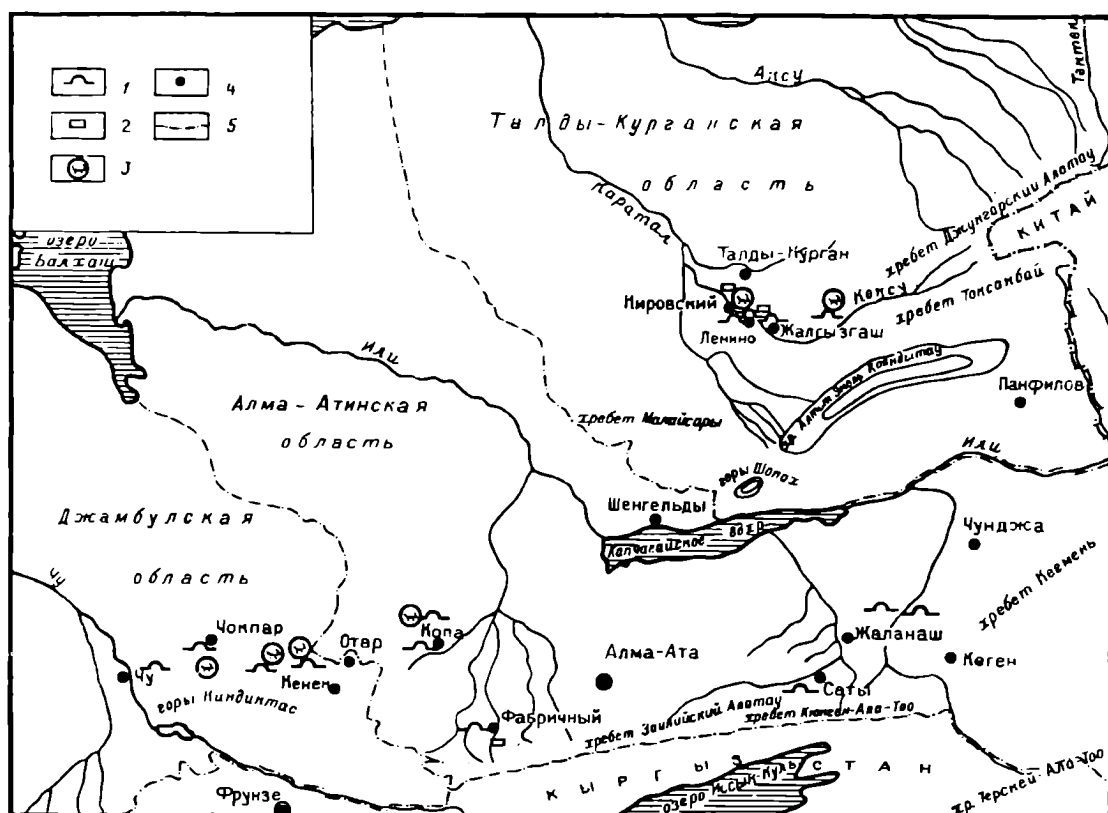

Рис. 1. Карта расположения памятников эпохи бронзы на территории Семиречья: 1 — могильник; 2 — поселение; 3 — наскальные изображения; 4 — современные населенные пункты; 5 — границы областей

скольких случаев, не имеют. Ограды ориентированы по сторонам света, взрослые погребения по оси В-З, детские погребения строгой ориентации не имеют. Исключение составляет ограда 2, где были обнаружены спаренные ящики с погребением взрослых и один детский ящик. Еще три детских ящика примыкали к ограде с внешней стороны. В ограде обнаружено три сосуда в ящиках. Два сосуда найдены вне погребений внутри ограды, огражденные небольшими оградками из камней. В ящике 1 выявлены фрагменты костей взрослого человека и угольки, в ящике 2 — погребение взрослой женщины в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Вещественный материал могильника представлен керамикой, бронзовыми и пастовыми бусами, височным кольцом (рис. 3, 6). По характеру конструкций могильник Тамгалы I имеет некоторые аналогии в Центральном Казахстане с комплексом Карасай, который датируется атасуйским этапом [1, с. 117].

Могильник Тамгалы II расположен в 100 м к западу от входа в ущелье на ровной площадке между тремя сопками. Он состоит из крупных оград прямоугольной формы, в каждой из которых не менее трех погребений взрослых (рис. 2, а). Детские погребения всегда отделены от взрослых захоронений оградками или вынесены за пределы основной ограды. Погребальные конструкции представлены цистами, ящиками и ящиками-цистами. Ящики-цисты отличаются от цист тем, что их западные и восточные стенки сложены из крупных плит, вкопанных на ребро, а северные и южные составлены из плоских брусков, уложенных плашмя.

Большинство погребений не имеет плит перекрытия. Костные останки обнаружены только в цистах. В цистах погребенные находились в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Сосуд устанавливался в изголовье, обычно с лицевой стороны. В погребениях найдены только керамика и бусы. По аналогиям с конструкциями из погребений в могильнике Айшрак Б могильник Тамгалы II может быть отнесен к эпохе развитой бронзы [2, с. 26—28].

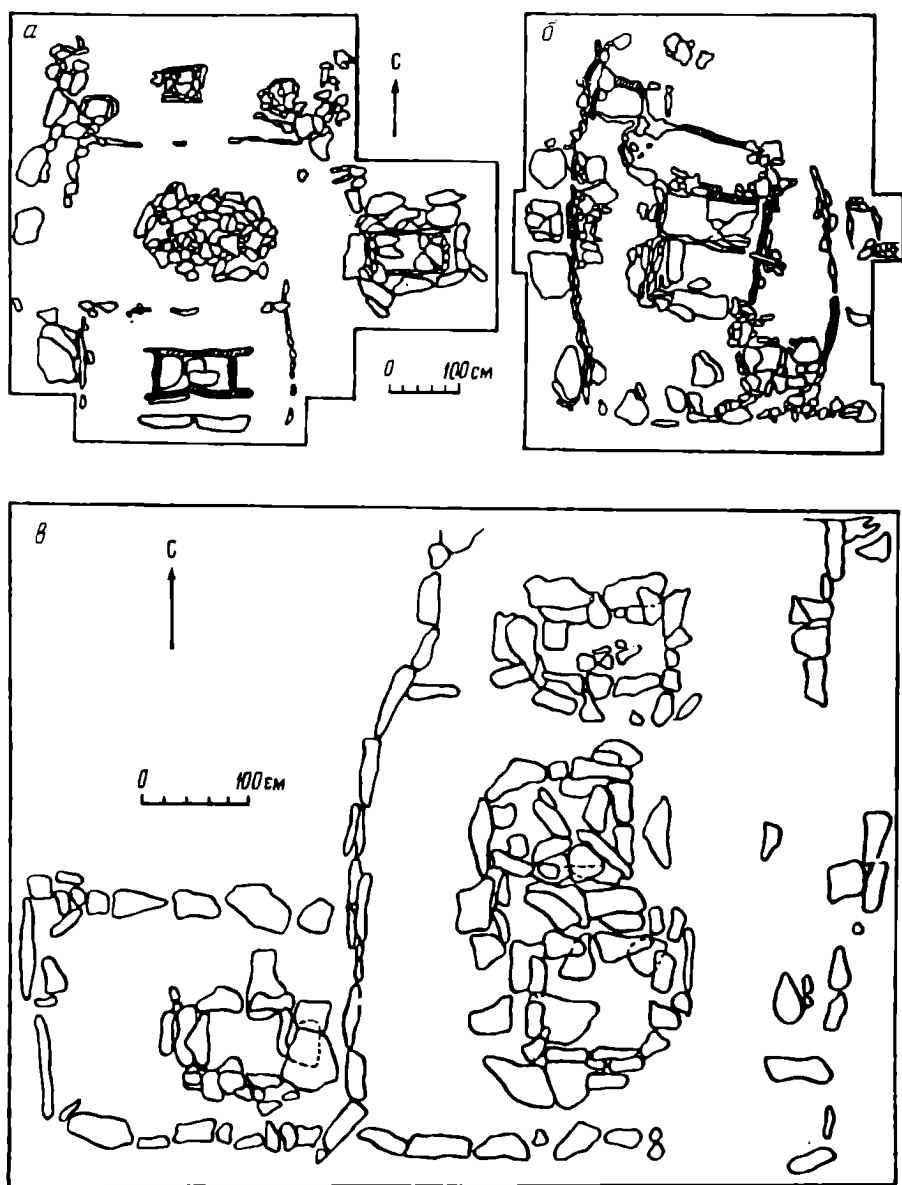

Рис. 2. Могильники эпохи бронзы ущелья Тамгалы (основные типы погребальных конструкций): а — могильник Тамгалы III, ограда 1; б — могильник Тамгалы I, ограда 2; в — могильник Тамгалы II, ограда 1

Могильник Тамгалы III находится в 1,2 км от входа в ущелье к югу и расположен на небольшой возвышенности. Значительная часть его разрушена, а из сохранившихся погребений часть осталась без плит перекрытия.

Особенностью этого могильника является устройство погребальных сооружений на коренной скальной породе, где часть могильных ям вырубалась в скале (рис. 2, а). Погребения взрослых заключены в ограды подпрямоугольной формы со скошенными углами. Детские погребения всегда вынесены за пределы ограды. Погребальные конструкции представлены тремя цистами, одной цистой-ящиком, остальные погребения совершены в ящиках. Цисты сложены из плоских, тщательно подобранных плит. В некоторых местах плиты цист скреплены глиняным раствором. Ящики сооружены из тщательно подобранных ровных плоских плит, в некоторых случаях укреплены по углам каменными подпорками. В четырех погребениях обнаружены остатки трупоположения, в пяти — трупосожжения, в шести следов погребения не обнаружено. Погребенные по обряду трупоположения находились в скорченном положении на левом боку, головой на запад. С восточной стороны могильник завершает культовая ограда округлой

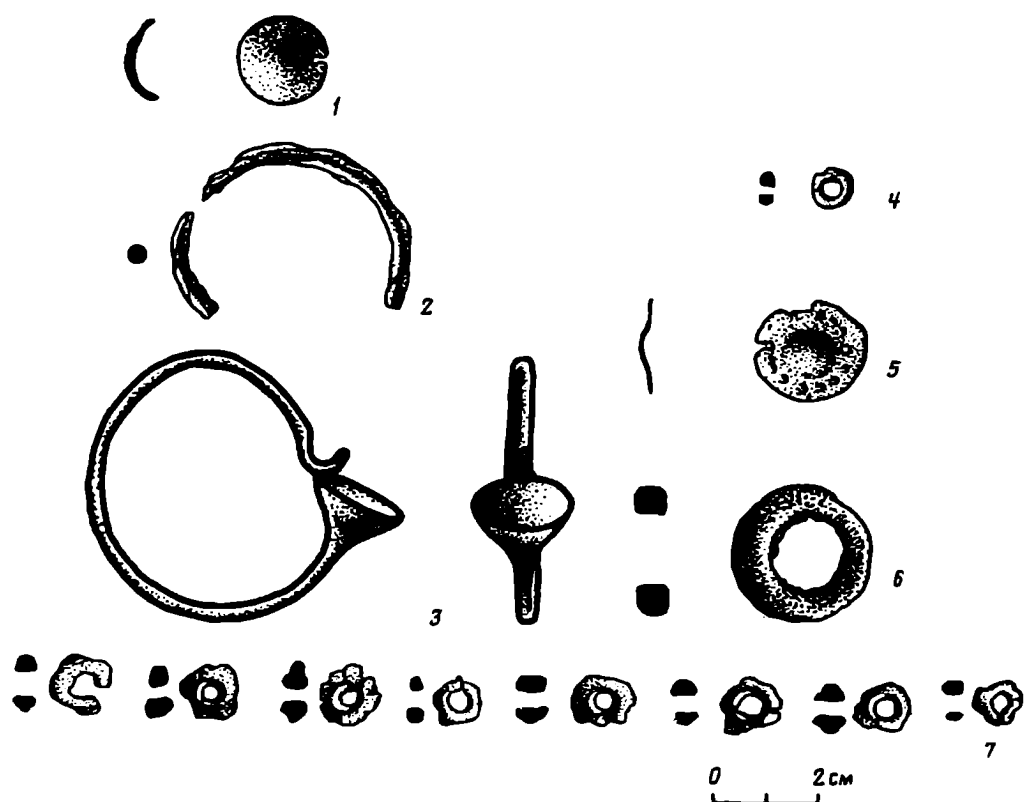

Рис. 3. Бронзовые изделия: 1, 2, 4—7 — могильники ущелья Тамгалы; 3 — могильник Ой-Джайляу III

формы, сложенная из вкопанных на ребро плит и камней, диаметром 3 м. Внутри ограды на глубине 10 см обнаружена вымостка из мелких камней и небольших плит. Центр ограды имеет форму овала. С восточной стороны ограды обнаружен мощный зольник.

Найденные в погребениях бусы можно разделить на два типа (рис. 3, 4, 7): биконические с выступающим ребром и сделанные из расплющенной проволоки. Интересна бронзовая бляшка округлой формы (рис. 3, 5), диаметром 19 см, изготовленная из бронзового листа. На бляшку мелким чеканом нанесены перлы; один крупный (диаметр 7 мм) находится в центре, другие — мелкие перлы размещены по всей окружности бляшки.

Керамический материал из могильников Тамгалы I, II, III представлен 16 целыми и 7 фрагментированными сосудами. Сосуды изготовлялись из глины с примесью мелкого и крупного речного песка, а также с органическими добавками, формовались на твердой основе методом кольцевого налепа. Затем внутренняя и внешняя поверхность сосуда обрабатывалась травой и твердым (иногда зубчатым) инструментом. Характер обжига разнообразен — равномерный и неравномерный. Среди форм сосудов в могильниках комплекса Тамгалы встречаются горшковидные, баночные и в форме миски. Все горшковидные сосуды (рис. 4, 1—3, 5, 6) широкогорлые плоскодонные. Венчики отогнуты наружу, переходят в короткую шейку. Плечико либо со слабовыраженным уступчиком, либо плавнопрофилированное. Узкое тулово плавно сужается ко дну. Переход ко дну прямой, тупоугольный или с поддоном.

Сосуды баночных форм (рис. 4, 4, 7, 9, 11) также широкогорлые и плоскодонные. Прямой венчик переходит в слегка раздутое тулово, которое плавно сужается ко дну. Переход ко дну прямой или тупоугольный. Сосуд в форме миски (рис. 4, 10) был обнаружен в могильнике Тамгалы III. Он очень близок по форме сосуду из соседнего могильника раннего железного века — Тамгалы

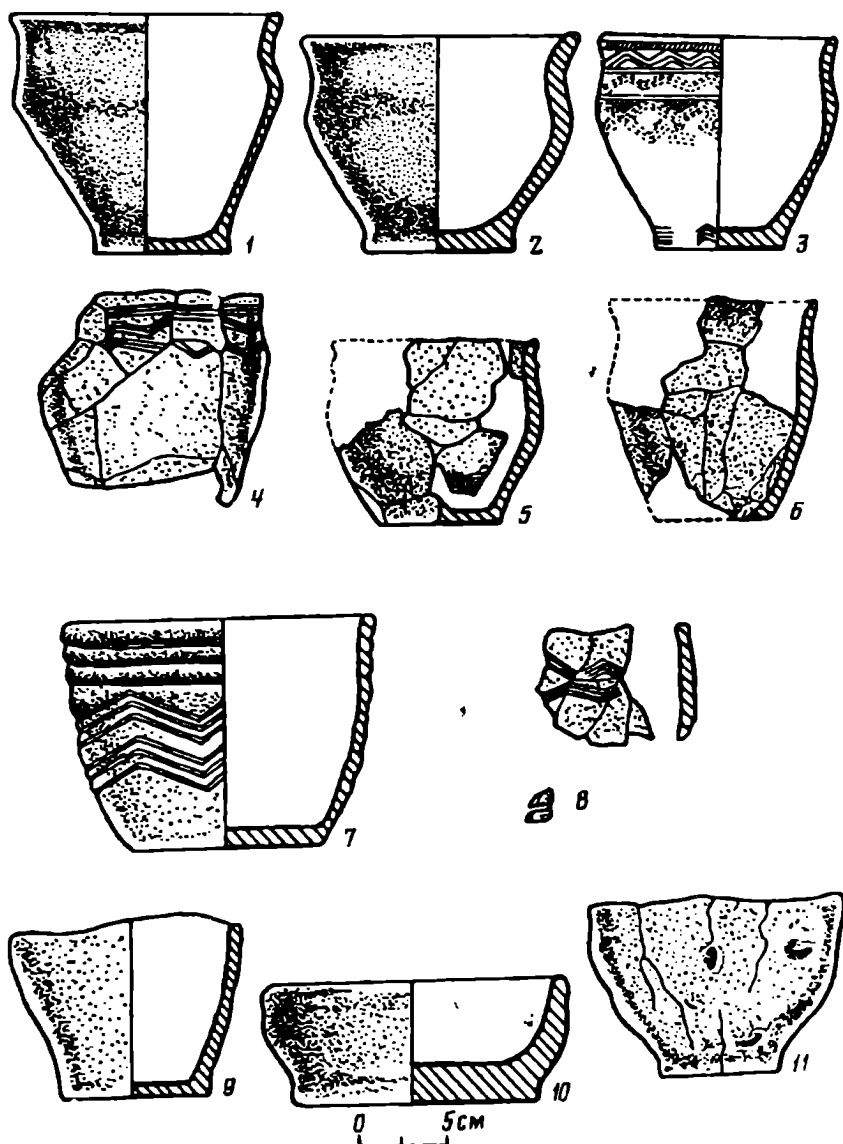

Рис. 4. Керамика могильников Тамгалы, I, II, III

IV, однако форма дна и способ изготовления миски характерны для эпохи бронзы.

В комплексе Тамгалы орнаментированы лишь четыре целых и два фрагментированных сосуда. Орнаментация небогатая, покрывает в основном их верхнюю часть. Лишь в одном случае встречается четкое зональное разделение орнамента по всей поверхности сосуда: под венчиком, по шейке, по плечу, по тулову и по поддону (рис. 4, 3). Основным элементом орнамента — зигзагообразная линия, выполненная заостренной палочкой и мелкогребенчатым штампом. Среди других элементов орнамента встречаются прямоугольные треугольники вершинами вниз, заштрихованные косыми линиями, меандр, прямые линии, параллельные, елочкообразные и косые насечки, каннелюры. Техника нанесения орнамента — гладкий и мелкогребенчатый штамп. Прямых аналогий керамике могильников Тамгалы I, II, III среди уральских и казахстанских памятников нет, однако некоторые элементы формы и орнаментации сосудов удается проследить в материалах керамических комплексов могильников Каракудук [3, с. 70, табл. VII, 6, 8, 15], Тау-Тары [4, с. 47—54], Бакланское [5, с. 250, рис. 105].

Сосуды баночных форм (рис. 4, 4, 7) в какой-то мере сопоставимы с сосудами из Трушниковского поселения [7, с. 270—271, табл. XXVII, 6]. Все названные выше памятники датируются в пределах XIII—XI вв. до н. э. Кроме того,

Е. Е. Кузьмина некоторые из подобных форм сосудов (рис. 4, 1—3, 6) относят к алакульскому типу и датирует XII—XI вв. до н. э. [6, с. 161].

Исходя из этих данных, можно определить, что все три могильника функционировали в пределах XIV—XII вв. до н. э. Анализ керамического материала дает основание считать, что на этой территории проживало население, усвоившее в большей степени алакульские традиции изготовления керамики и отдельные элементы, характерные для федоровских сосудов.

К этому же времени относится и основная часть петроглифов Тамгалы. Доказательством взаимосвязи наскальных изображений и могильников могут служить находки плит с петроглифами в погребениях. Одна такая плита с изображением козла в типично тамгалинской традиции была использована при сооружении могильника Каракудук, расположенного в 800 м от Тамгалы. Она была замечена спустя 10 лет после раскопок могильника. Плиты использовали как строительный материал [8, с. 4—8]. В могильнике Тамгалы II в ящике-цисте на стенке обнаружены петроглифы. На южной и западной стенках на отдельных плитах изображены люди в позе адорации и животные. Изображения перевернуты и расположены в самой нижней части могильной ямы, что исключает их связь с погребальным обрядом. Интересен тот факт, что изображение адорантов совсем не имело патины, следовательно, оно попало в ящик-цисту вскоре после того, как было высечено на скале. Вероятно, строители цисты просто использовали плиты, откалывающиеся от скал на сопках.

В урочище Тамгалы находится около 4 тыс. петроглифов, из них 2 тыс. расположены в самом ущелье. Сгруппированы они в основном в нижней части ущелья. Петроглифы относятся к трем эпохам, но основная часть их датируется эпохой бронзы. Как было уже отмечено, наиболее древние изображения созданы примерно в то время, когда появились и могильники эпохи бронзы. Видимо, здесь находилось крупное межродовое святилище. Косвенным образом об этом можно судить по расположению могильников этого времени вблизи скоплений петроглифов. Судя по конструкциям и месторасположению могильника, они заметно отличались друг от друга. Вероятно, каждый из могильников принадлежал разным родам, и сооружались, возможно, они в разное время, но в пределах одной эпохи. Наиболее древние петроглифы находятся у самого входа в ущелье (I, II и III группы). Здесь обнаружены самые архаичные изображения, известные по другим памятникам. К ним можно отнести фигуры диких быков, ряженных в звериные шкуры людей с хвостами, солнцеголовых божеств, солярные знаки, фигуры адорантов, стоящих попарно в характерной позе, диких лошадей, фигуры пляшущих воинов или охотников. Изображения IV и V групп расположены в 150 м выше по ущелью по обе стороны ручья. Можно предположить, что эти петроглифы появились несколько позже, поскольку среди них нет некоторых сюжетов, характерных для I—III групп. В IV группе на верхнем ярусе скал, которые возвышаются над ровной площадкой и жертвенником, высечены крупные изображения «пляшущих» людей. Между людьми и божествами расположены фигуры животных [8, с. 10]. До последнего времени было принято считать, что на скале высечены фигуры 12 пляшущих мужчин, образующих хоровод, однако при съемке на микалентную бумагу всей сцены выяснилось, что в центре между «пляшущими» находится изображение роженицы, символизирующей идею плодородия. К северо-востоку от этой сцены выбито еще несколько крупных изображений солярных божеств. Характерно, что все они отличаются друг от друга: у одних голова имеет форму диска с расходящимися лучами, у других вокруг круга выбиты лунки — солнечные пятна. В V группе петроглифов, расположенной в 50 м напротив IV группы на правом берегу ручья, выбиты солнцеголовые божества над лошадью и оленем, колесница, быки и другие изображения. Возможно, эта группа появилась позднее, поскольку заканчивают ее три фигуры оленей с поджатыми ногами, один под другим. Такое регистровое размещение фигур на плоскости встречается на оленных камнях Монголии [9, с. 107]. По стилю эти гравюры близки «клювовидным» оленям Центральной Азии [10, табл. 12]. От-

существование в этой группе некоторых архаичных и появление стилизованных изображений оленей дает основание полагать, что заполнение скальных плоскостей ущелья в древности шло снизу вверх. Остальные петроглифы расположены на сопках выше по ущелью и в боковых саях, в основном северо-западнее основного ущелья.

Поскольку могильники и петроглифы сосуществовали какое-то время, можно считать, что наиболее древние из них были высечены еще в эпоху развитой бронзы. Многие сюжеты Тамгалы известны среди наиболее архаичных гравировок Саймалы-Таша. Это фигуры ряженных и хвостатых, колесницы, запряженные быками, брачные пары, наконец, изображения солнцеголовых богов и солярных символов, а также очкообразные знаки, связанные с солярной символикой. Именно эти сюжеты характерны для петроглифов в горах Каратау, Таласского и Джунгарского Алатау. Датируются они также эпохой бронзы [11, с. 151]. Тамгалинские петроглифы представляют большой интерес для исследователей, поскольку здесь сосредоточено значительное количество культовых сюжетов. Среди таких сюжетов встречаются жертвоприношение, сцены, связанные с культом плодородия, изображение плясок и хороводов, людей в масках и в звериных шкурах, изображения солнечных богов над определенными животными. Не останавливаясь подробно на вопросах семантики отдельных петроглифов, отметим, что все они связаны с мифопоэтическим миропониманием первобытных людей, которые отличаются синкретическим, нерасчлененным восприятием мира. Так, в изображении людей под божествами можно усмотреть мысль о благотворном солнце и плодородии, что подчеркивает сцена с роженицей в центре композиции; в сцене убийства быка угадывается идея принесения в жертву священного животного солнцеголовому божеству; характерные знаки и символы рядом с колесницей, запряженной быками, могут указывать на существование культа солнечной колесницы. Изображение пары солнечных богов, возможно, подчеркивает идею мужского и женского начал. Изображение божеств вверху над людьми и животными, возможно, показывает вертикальную модель мира с присущей ей этажностью. В целом петроглифы ущелья Тамгалы достаточно полно отражают мировоззрение племен эпохи бронзы, населявших данную территорию.

Археологический комплекс Ой-Джайляу. Другим характерным комплексом эпохи бронзы Семиречья являются памятники урочища Ой-Джайляу, которые находятся в 40 км к западу от ст. Отрар Курдайского р-на Джамбулской обл. Урочище представляет собой плато, ограниченное невысокими сопками, расположенное на высоте около 1200 м над уровнем моря. Плато пересечено глубокими логами — древними руслами рек, стекавших на равнину с юго-запада на северо-восток. Урочище тянется на 6—7 км с востока на запад и 4—5 км с юга на север. Могильник Ой-Джайляу III находится в западной части урочища на ровной площадке в одной из седловин холма у края оврага. Общая площадь его составляет около 1500 м², из них раскопано 860 м², на которых было обнаружено 51 погребение (рис. 5). Могильник представляет собой конструкцию, состоящую из подквадратных оград, сложенных из крупных плит и крупных камней, уложенных плашмя в один—три слоя. Ограды ориентированы по оси СВ—ЮЗ. Размеры оград от 1,6×1,2 до 4×4 м. Ограды центральной части могильника плотно сгруппированы и имеют общие стенки друг с другом. Внутри ограды устраивалось обычно одно погребение взрослого человека в ящике (исключение составляют ящики 25, 34—35). Ящики сложены из ровных прямоугольных плит, плотно подогнанных друг к другу. В некоторых случаях между плитами вставлялись клинья. Детские захоронения производились как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Сверху кроме плиты перекрытия имеют обычно выкладку из камней мелких и средних размеров. Ограды вокруг детских захоронений не обнаружены. Большая часть детских ящиков сосредоточена в восточной и юго-восточной частях могильника. Практически все погребения ориентированы в направлении В-З с небольшими отклонениями, за исключением двух детских ящиков, ориентированных по оси С—Ю. Предварительный антропологический

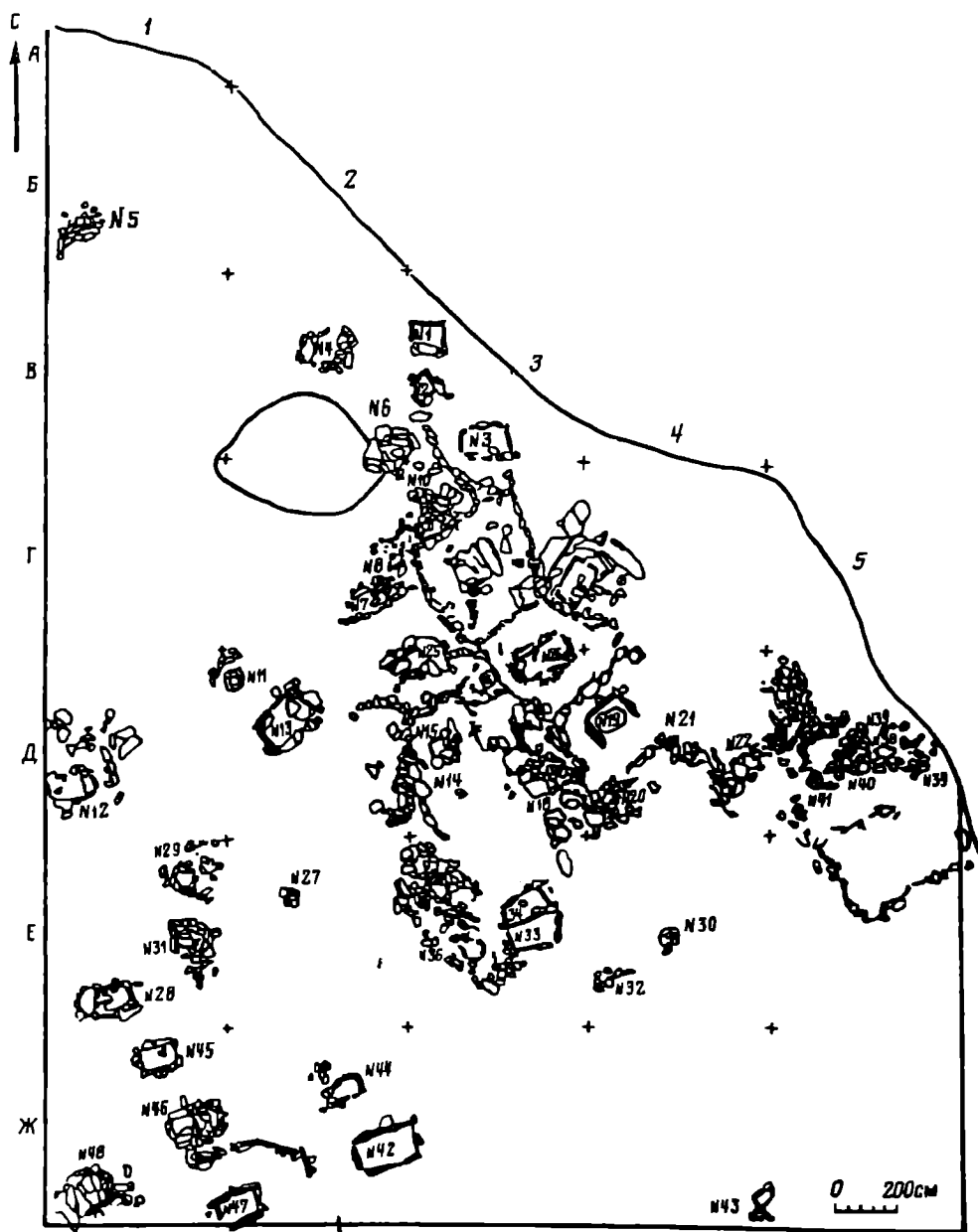

Рис. 5. Могильник Ой-Джайляу III

анализ, проведенный О. И. Исмагуловым, свидетельствует о принадлежности погребенных к большой европеоидной расе. В могильнике Ой-Джайляу III встречаются два типа погребального обряда — трупосожжение и трупоположение.

Погребения с трупосожжением встречаются пока в южной части могильника (ящики 45 и 47) и в основном не имеют сопутствующего материала (за исключением отдельных фрагментов керамики и одной-двух бусин биконической формы).

Костяки зафиксированы в скорченном виде на левом боку, головой на запад (сообразно ориентировке каменных ящиков). В изголовье погребенных устанавливалась керамическая посуда (от одного до трех сосудов). Сверху посуда накрывалась крышкой в виде плоской каменной плитки или фрагмента другого сосуда.

Весьма разнообразными были детали погребального обряда в зависимости от пола, возраста и социального положения погребенного. Так, захоронения грудных детей и мальчиков, детского возраста¹ производились в каменных ящиках или

¹ Определение пола и возраста погребенных произведено О. И. Исмагуловым и А. О. Исмагуловой.

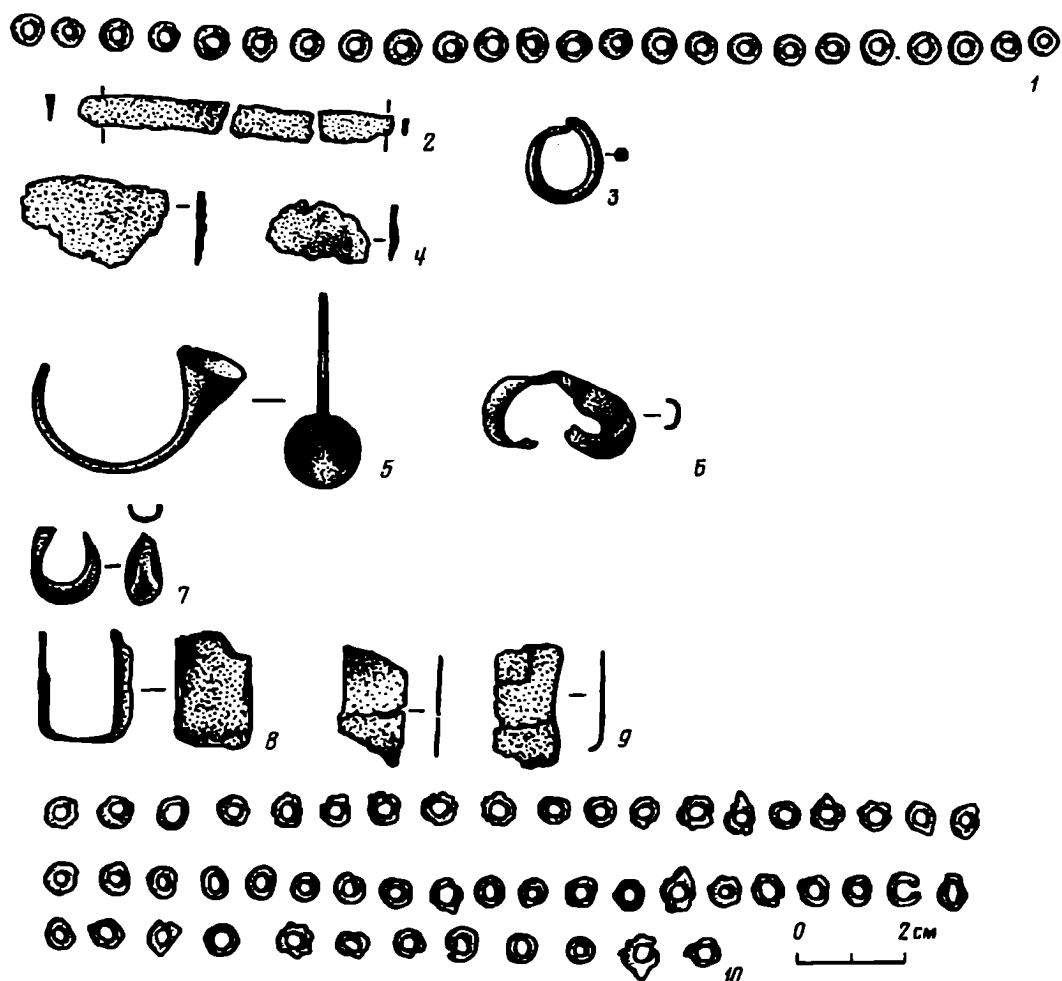

Рис. 6. Бронзовые изделия: 1—4 — могильник Талапты II; 5—10 — могильник Ой-Джайляу III

грунтовых ямах размерами от 30×25×10 до 80×55×50 см. Ориентировка погребений по оси 3—В соблюдалась не всегда (ящик 8, яма 9). Вещевой материал, за исключением керамического сосуда, практически не встречается. Сосуды разнообразны — от невыразительных и маленьких по размерам баночной и горшковидной формы до хорошо проработанных по форме и украшенных геометрическим орнаментом горшковидных сосудов, размерами от 7,5×7,9 до 18×11,5×18 см². Среди детских погребений выделяются захоронения девочек с набором бронзовых бус и серьгой с раструбом (ящик 2). В изголовье также устанавливался горшковидный сосуд размерами 12,5×8×13,5 см.

В погребениях взрослых мужчин обычно находятся бронзовые бусы у щиколоток ног. Керамическая посуда, поставленная в изголовье, баночной или горшковидной формы, иногда проработана даже хуже, чем посуда в погребениях детей, изредка орнаментирована. В большинстве случаев размеры ее значительно крупнее, чем во всех других погребениях (ящик 1 в ограде 1 — 19×9×20 см).

В погребениях взрослых женщин наиболее разнообразны украшения: бронзовые браслеты, височные кольца, бронзовые и пастовые бусы различных форм. Сосуды, находящиеся в изголовье, почти все орнаментированы.

Из всех погребений могильника по своему устройству выделяются два взрослых «заглубленных» захоронения (ящики 25 и 26). Их особенностью является то, что непосредственно сам ящик сооружался ниже уровня древней поверхности, на которой устанавливалась ограда. Оба ящика имеют наброску из камней мелких и средних размеров по периметру ящиков. Кроме того, в погребении 25

² Основные параметры сосуда: высота, диаметр по дну, диаметр по венчику.

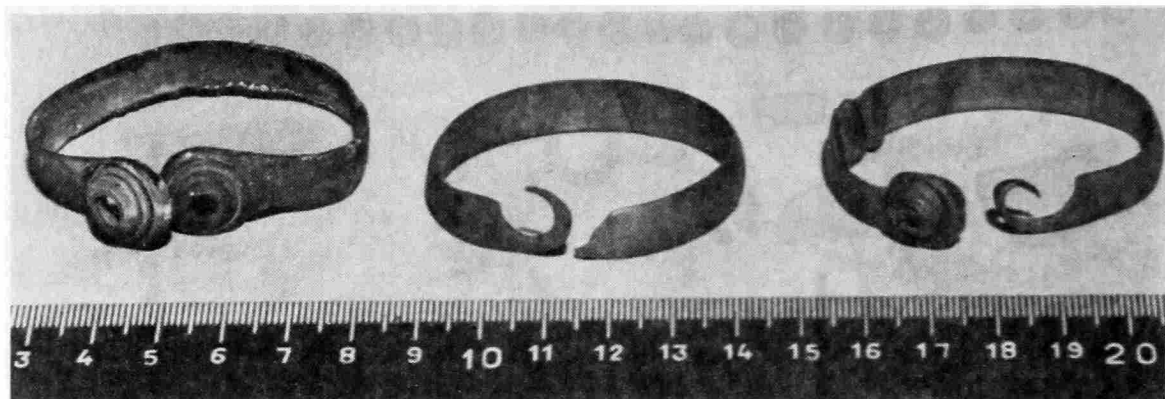

Рис. 7. Бронзовые браслеты из погребения 34 могильника Ой-Джайляу III

обнаружено парное захоронение мужчин 35—40 и 45—50 лет. Особый интерес представляет погребение в сдвоенном ящике 34—35, в одном из которых (ящик 34) было выявлено парное захоронение юноши 17—18 лет и молодой женщины 18—20 лет. Мужской костяк (полностью сохранившийся) находился у южной стенки в скорченном положении на левом боку, головой на запад, без следов сопровождающего инвентаря. Женский костяк (без черепа и с разрушенной нижней частью скелета) находился у северной стенки в скорченном положении на левом боку, головой на запад. В изголовье между погребенными находились два разрушенных сосуда. На руках женщины были браслеты со спиралью (два на левой руке, один на правой). Кроме того, на руках и у щиколоток ног найдены бронзовые и пастовые бусы.

Вещевой материал могильника Ой-Джайляу III представлен бронзовыми и пастовыми бусами, серьгами с раструбом (2 экз.) и браслетами (3 экз.). Бронзовые серьги с раструбом (рис. 3, 3; 6, 5) находят аналоги в материалах комплекса Сангру II [2, с. 320, рис. 230, 40, 41]. Бронзовые браслеты со спиралью (рис. 7) известны в нескольких казахстанских комплексах [2, с. 316, рис. 229], датируемых в основном эпохой развитой бронзы.

Керамический материал могильника Ой-Джайляу III представлен сосудами горшковидных и баночных форм (рис. 8). Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого и крупного речного песка и органических добавок. Они изготавливались на твердой основе ленточным способом. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда обрабатывалась травой и твердым инструментом. Обжиг сосудов разнообразный. Формы сосудов могильника отличаются большой вариабельностью, выраженной в соотношении высоты сосуда, диаметров горловины и тулова. Среди горшковидных сосудов преобладают сосуды с четко или слабо выраженным уступчиком (рис. 8, 1—3); наряду с ними обнаружены сосуды с плавнoproфилированным туловом (рис. 8, 4—6), которые отличаются более богатой орнаментацией. Среди сосудов баночных форм (рис. 8, 7—9) встречаются низкие приземистые со слегка раздутым туловом и более высокие с прямыми стенками.

В орнаменте керамики могильника Ой-Джайляу III встречаются зигзагообразные линии, меандр, ряды треугольников с косой штриховкой вершинами вверх или вниз, горизонтальные елочки, «уточки», каннелюры и насечки. Зональное деление орнамента четко прослеживается лишь в сосудах с плавнoproфилированным плечиком. Наиболее характерная техника нанесения орнамента — гребенчатый штамп, реже — заостренная или затупленная палочка.

Наиболее близкие аналогии керамике могильника Ой-Джайляу III прослеживаются в алакульских комплексах Центрального Казахстана [1, с. 111, 115], хотя отдельные элементы форм и орнаментации встречаются в федоровских комплексах Восточного Казахстана [7, с. 270]. Е. Е. Кузьмина датирует сосуды подобных форм XV—XIII вв. до н. э. Учитывая приведенные аналогии из керамических комплексов Центрального и Восточного Казахстана, мы можем предположить время сооружения могильника в пределах XIV—XII вв. до н. э.

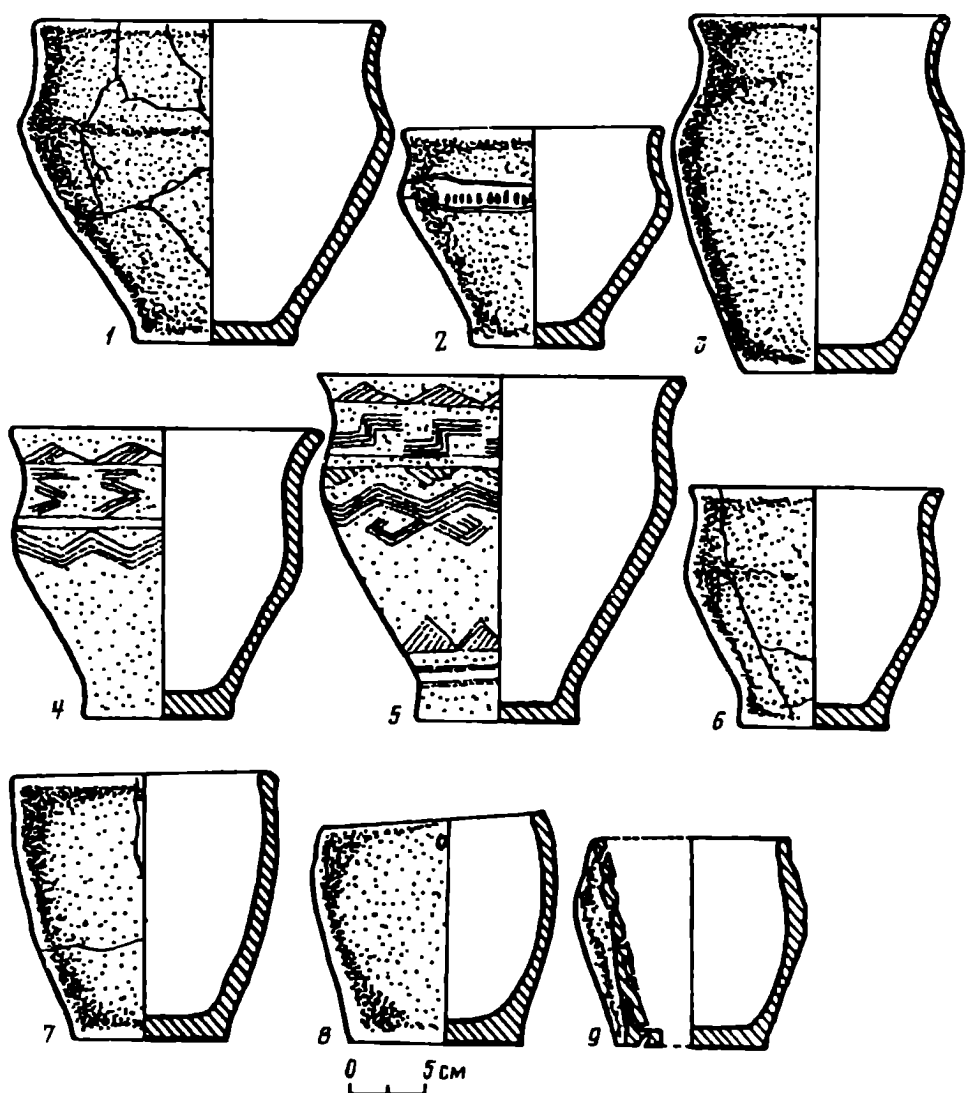

Рис. 8. Керамика могильника Ой-Джайляу III

Наскальные изображения Ой-Джайляу расположены в северо-западной части плато, на левом берегу небольшой речки на нескольких скальных блоках, в 1,2—1,3 км к северо-востоку от могильника Ой-Джайляу III. Они представлены петроглифами различных эпох: южная грань скалы, расположенная западнее, занята изображениями эпохи бронзы, на восточной ее грани высечено изображение «клювовидного» оленя, относящееся, видимо, к раннему этапу раннего железного века; на скале, находящейся в 50—70 м восточнее, размещена прекрасная композиция древнетюркского времени с оленями, всадниками со знаменами и пешими лучниками.

Петроглифы эпохи бронзы немногочисленны — около 20 изображений. Нанесены они на ровные плиты в несколько ярусов: на отдельной плите внизу высечены быки, адоранты, козлы, антропоморфные существа, выше — быки. На верхнем ярусе снова быки. Между ними сцена боя между всадниками на лошадях, вооруженными клевцами или чеканами. Петроглифы с быками и людьми нанесены мелкоточечной техникой, фигуры всадников слабо различимы, выполнены неглубокими ударами по камню и несколько отличаются по степени патинизации от других изображений. Датирующих рисунки признаков немного; фигуры быков-туров выполнены в тамгалинской традиции, изображения адорантов, стоящих попарно, хорошо известны в святилищах эпохи бронзы Казахстана и Киргизии.

Судя по стилю и сюжетам, эти изображения относятся к эпохе развитой бронзы, что согласуется с материалами раскопок могильника Ой-Джайляу III.

Археологические комплексы долины р. Коксу. Археологические памятники долины р. Коксу расположены в горах Ешке-Ольмес у западной оконечности Джунгарского Алатау. Имеющиеся у нас материалы можно разделить на два самостоятельных комплекса: 1) могильники Куйган I, II, III с поселением Куйган и 2) могильники Талапты I, II, III с поселением Талапты I и сопкой с центральным святилищем, расположенной над могильниками.

Как правило, поселения находились на некотором расстоянии от могильников, в 300—400 м и были устроены на верхних террасах на ровном месте. На сухой каменистой верхней террасе р. Коксу размещались могильники.

Установить хронологическую связь поселений, могильников и петроглифов стало возможным после того, как была разработана хронология петроглифов эпохи бронзы Семиречья и Южного Казахстана. Могильник Талапты I находится на верхней террасе р. Коксу, в 3 км к северу от с. Талапты [12, с. 24—39]. Выявлено и раскопано 18 погребений. В могильнике Талапты I существовали три типа погребальных сооружений: ящики (10 шт.), ящики-цисты (6 шт.), цисты (2 шт.). Погребальные камеры в основном ориентированы по оси В—З. Захоронения совершались по обряду трупосожжения (3 случая) и трупоположения (11 случаев), в скорченном положении на левом боку, головой на запад. В одном случае скелет женщины лежал на правом боку. Сосуд устанавливался в изголовье. Вещественный материал беден, кроме керамики представлен еще и бусами. По типу надмогильных сооружений, обряду захоронения и сопровождающему инвентарю могильник Талапты I близок могильнику Каракудук.

Могильник Талапты II находится в 400 м западнее могильника Талапты I. Раскопано 13 погребений, которые совершались в погребальных камерах трех типов: в грунтовых ямах (3 случая); в грунтовой яме с прямоугольной выкладкой на дне (1 случай); в ящиках (9 случаев). Почти все захоронения ориентированы по оси В—З и совершались по обряду трупоположения в скорченном положении на левом боку, головой на запад. Сосуды устанавливались в изголовье. Вещевой материал представлен керамическими сосудами и двумя серьгами. Серьги сделаны из тонкого бронзового листа, свернутого в полую трубочку на органической основе. Один конец заострен и входит в трубчатое расширение другого. Диаметр различный — 4,5 и 3 см. Меньшая серьга изготовлена необычным способом: органическая основа сначала обернута золотой фольгой, поверх которой наложен бронзовый лист. В целом могильник Талапты II близок могильнику Талапты I, хотя и существуют некоторые отличия в типах погребальных конструкций.

Керамический материал обоих могильников представлен 13 целыми сосудами горшковидной и баночной формы (рис. 9). Техника их изготовления аналогична технике изготовления керамики других семиреченских могильников. В сравнении с комплексами Западного Семиречья керамика могильников Талапты I и II несколько отличается единообразием форм и орнаментацией. Горшковидные сосуды в основном имеют плавную профилировку низко посаженного плечика. Баночные сосуды низкие, приземистые, с прямыми стенками. Среди элементов орнамента ведущими становятся ряды каннелюр, косых насечек, ногтевидных вдавлений, косых треугольников. Изредка встречаются меандр и зигзагообразные линии. Орнаментом покрывается преимущественно верхняя часть сосуда.

Частично аналогии керамическому комплексу Талапты наблюдаются в федоровских комплексах Восточного Казахстана [13, с. 24—39], Южной Сибири [14, табл. VII] и Киргизии [15, рис. 3, 4, 16]. Подобные формы и орнаментация сосудов почти всегда встречаются (по С. С. Черникову) совместно с валиковой (саргаринской) керамикой, что подтверждается раскопками поселения Талапты I. Эти данные позволяют датировать время функционирования могильников Талапты I, II в пределах XII—X вв. до н. э. Предварительный антропологический анализ, проведенный О. И. Исмагуловым, свидетельствует о принадлежности погребенных южносибирскому типу европеоидной расы.

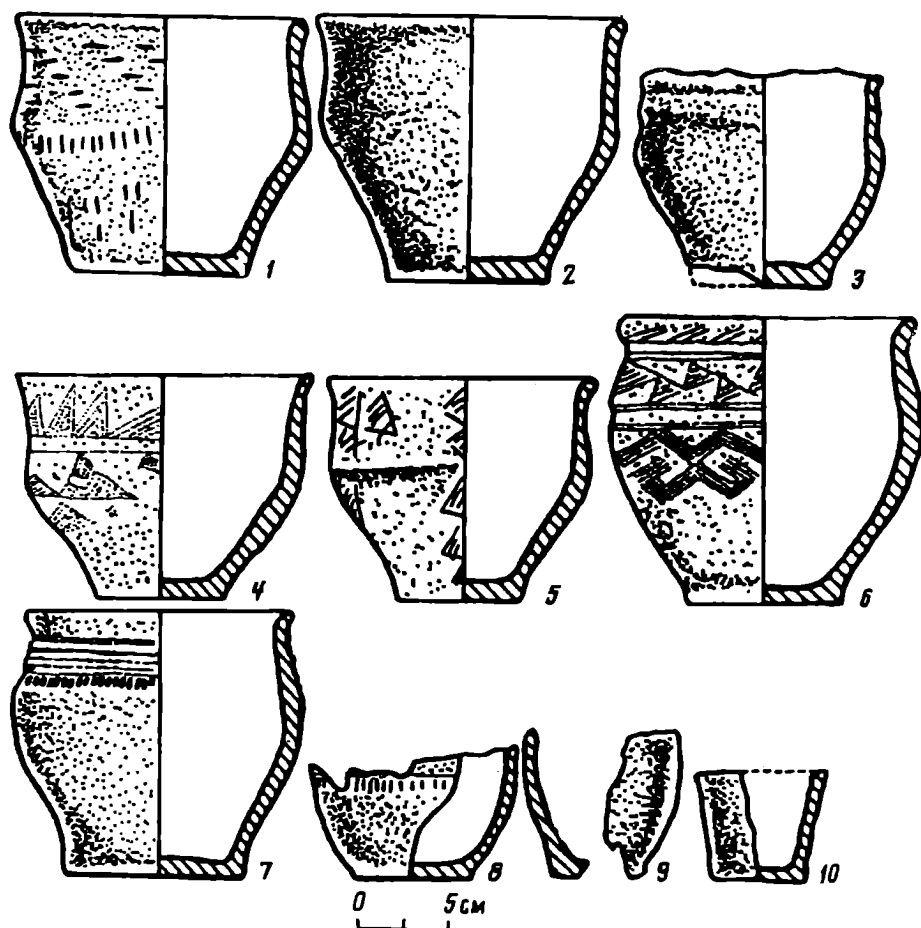

Рис. 9. Керамика могильников Талапты I, II

Поселение Талапты I расположено в 6,2 км выше плотины, на правом берегу р. Коксу, в 600 м западнее могильника Талапты II. На поверхности прослеживаются контуры двух-трех жилищ, общая площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет $\sim 4000 \text{ м}^2$.

Поселение находится на 10—12 м выше уровня реки. Было вскрыто одно жилище и часть жилого дома, сползающая к реке. Большое жилище (рис. 10) представляло собой выкладку из камней прямоугольной формы, ориентированную по сторонам света. Размеры его $16 \times 18 \text{ м}$. Камни были уложены в один ряд. С восточной стороны к выкладке примыкала Г-образная пристройка — вход в жилище. Жилище было заглублено в землю на 60—100 см от уровня современной поверхности. Пол жилища хорошо утрамбован и прорезан многочисленными ямами хозяйственного назначения. В центре располагался очаг прямоугольной формы, сложенный из крупных, вкопанных на ребро каменных плит и камней. Размеры очага — $2,4 \times 2,2 \text{ м}$. Толщина зольного слоя достигала 40 см. Вокруг очага располагалось несколько ям. Одна из них была обложена ровными каменными плитами, вкопанными на ребро, дно также вымощено плитами. Сверху она была заложена крупными камнями. В ямах найдены кости животных, фрагменты керамики. Часть ям — столбовые.

Вдоль северной стены жилища сохранилась вымостка из камней, покрытая толстым слоем золы. Протяженность ее $\sim 15 \text{ м}$, ширина 1,6 м. В восточной ее части среди камней на полу были найдены каменные изделия — песты, зернотерки, три костяных наконечника стрел, в западной части выкладки найдены насыпанная горкой на полу медная руда, пестики, а также костяные изделия — лопатки, трубки, проколки. Судя по уплотненности зольного слоя, покрывшего всю вымостку и возвышающегося над полом на 30—40 см, это сооружение, очевидно,

Отделение

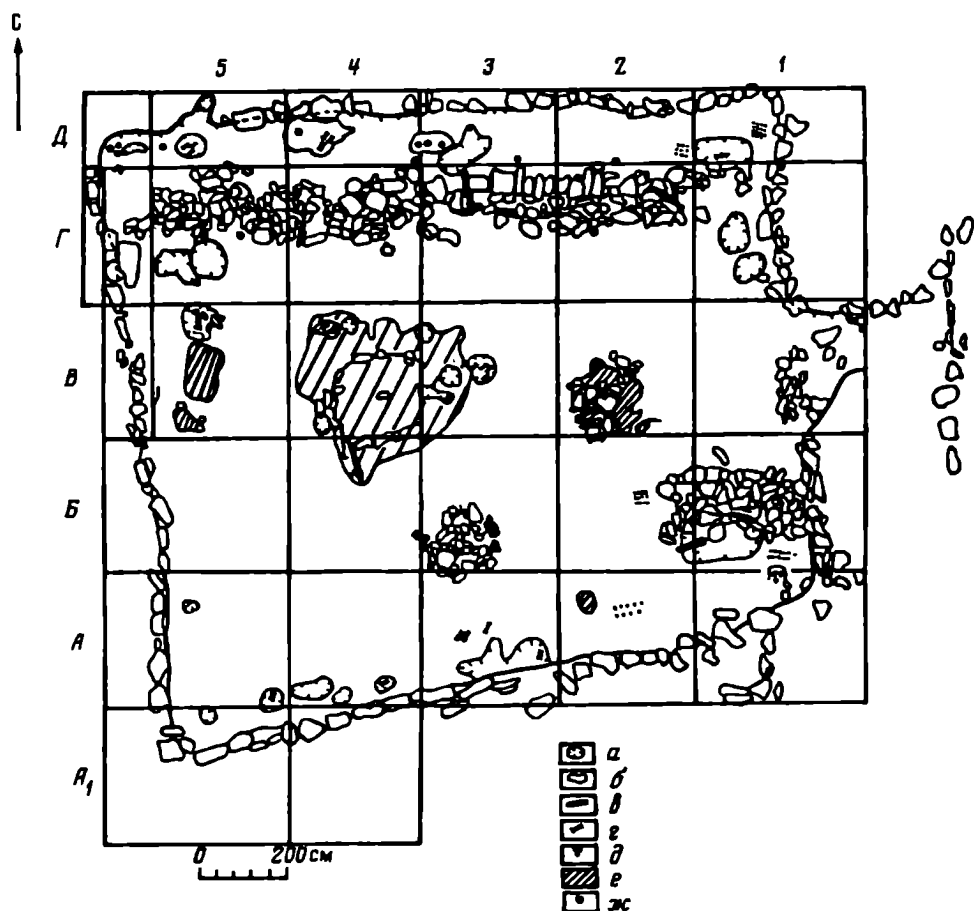

Рис. 10. Поселение Талапты I, жилище 1, а — яма; б — камни; в — вертикально установленные плиты; г — кости; д — керамика; е — зольник; ж — изделие

служило лежаком, накрывавшимся поверх слоя теплой золы шкурами. Аналогичная каменная конструкция с зольной засыпкой имела в жилище у восточной стенки, в длину она не превышала 2 м.

В районе вымостки в ямах на полу найдено много фрагментов керамики. У большинства сосудов округлые плечики, и только на трех горшках имелся уступ при переходе от шейки к тулову. Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах беден. Орнаментированная зона ограничена полосой по шейке сосуда к плечу и представляет собой ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, ряды круглых и ромбовидных вдавлений. Много фрагментов орнаментировано каннелюрами по шейке в два—три ряда. Изредка встречаются жемчужины.

Основной материал из жилищ — каменные изделия (44 экз.). Это песты, точила, терочники, ножевидные пластины, каменные ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслице, каменная булава с желобом для привязывания. Некоторые песты имели форму фаллоса. Большое количество костей животных дало возможность произвести их анализ. Было установлено, что 74,65% костей принадлежали мелкому рогатому скоту, 20% — крупному рогатому скоту, ~5% — лошади. Следовательно, основным в животноводстве был мелкий рогатый скот. Судя по материалу, поселение было однослойным и недолговременным, как и многие другие поселения эпохи поздней бронзы. Керамика поселения близка к саргаринско-алексеевской, по ряду показателей она сближается с керамикой поселения Кент из Центрального Казахстана и может быть датирована эпохой финальной бронзы, т. е. началом I тыс. до н. э. [16, с. 60].

Раскопки проводились также на могильниках Куйган I, II, III и одноименном поселении. Могильники Куйган I и III дали интересный материал. Керамика из

погребений разнообразна по формам и способу изготовления. Все сосуды можно разделить на баночные и горшковидные с округлым плечом, чаще без орнамента, иногда выделяются горшки, на которых рисунок — горизонтальный ряд косых треугольников — нанесен гребенчатым штампом. Есть несколько горшков с узкими и высокими поддонами, имеющими аналоги с керамикой из Южного Казахстана эпохи поздней бронзы [4, с. 37—56]. Этим же временем следует датировать и комплекс с погребальными сооружениями в урочище Куйган.

Петроглифы долины р. Коксу. О петроглифах в горах Ешке-Ольмес стало известно в 1981 г. после сообщения геолога Л. И. Скрынник. В 1982—1984 гг. они были исследованы археологической экспедицией КазПИ имени Абая. Петроглифы сосредоточены в шести коротких ущельях и на склонах гор. Самое крупное скопление наскальных изображений обнаружено в районе с. Талапты. Петроглифы разновременны. Самая многочисленная и древняя группа их относится к эпохе бронзы. Многие сюжеты хорошо известны по другим подобным памятникам — Тамгалы в Семиречье и Арпа-Узень в горах Каратау. К ним можно отнести изображения колесниц, солнцеголовых божеств, быков, сцены адорации и др. Некоторые из сюжетов встречаются впервые. Оригинальной можно считать сцену сражения трех лучников с великаном. Впервые встречается изображение человека с солнечными лучами на голове, стоящего на колеснице. Если в более древних святилищах на скалах запечатлены батальные сцены, где в качестве оружия ближнего боя используются палицы, то на скалах Ешке-Ольмес в руках у воинов показаны чаще чеканы, есть батальная сцена с использованием луков и стрел. На скалах высечено около сотни колесниц, однако почти все они запряжены лошадьми. Эти сюжеты указывают на то, что петроглифы в горах Ешке-Ольмес в долине р. Коксу появились несколько позднее. В эпоху поздней бронзы в наскальном искусстве наметились и другие перемены: увеличилось количество сцен боя, угона скота, нередко изображения с попыткой показать животных в движении. К этому времени ведущим становится мотив борьбы. Перемены наметились в технике нанесения наскальных изображений: появляется граффити, причем чаще всего контуры животных выбивались, а тонкие линии (ноги, уши, хвост, глаза) наносились острым и тонким предметом. Гравировки оказывают неоценимую помощь в датировке многих петроглифов. Благодаря мастерству и точности нанесения отдельных предметов (луков, стрел, палиц, кинжалов, боевых топоров) можно сопоставить некоторые из них с материалами раскопок и судить о времени появления петроглифов. Так, по рисункам видно, что стрелы имеют листовидную форму, лук простой, но в начале I тыс. до н. э. в отдельных сценах появляется лук скифского типа — с загнутыми вперед концами. Не исключено, что уже в эпоху бронзы шло усовершенствование такого лука, и мы наблюдаем прототип сложносоставного лука. Таким образом, анализ сюжетов и некоторых стилистических особенностей петроглифов хребта Ешке-Ольмес позволяет отнести их к эпохе поздней бронзы. Такая датировка согласуется с материалами раскопок Талапты I, II и позволяет объединить их в единый комплекс.

Анализ погребальных конструкций, обряда захоронений, вещественного материала, костей животных с поселения, а также некоторые сведения по антропологии позволяют сделать лишь весьма общее предварительное заключение о населении, проживавшем на территории Семиречья в эпоху бронзы. Сочетание федоровских и алакульских традиций в материалах одного могильника и даже отдельной погребальной конструкции (Тамгалы I, ограда 2) говорят о том, что уже в эпоху развитой бронзы население этого региона было смешанным. Это можно объяснить тем, что Семиречье в то время было зоной контактов племен Центрального и Восточного Казахстана. Это не означает, что такое положение было постоянным. Можно предположить, что первоначально культурное влияние алакульских племен было более значительным, но к концу II тыс. до н. э. увеличиваются восточные (федоровские) традиции, что прослеживается не только в керамике, но и в погребальных конструкциях, в сюжетах и стиле наскальных изображений долины р. Коксу.

Население Семиречья вело в эпоху бронзы сложное комплексное хозяйство, в котором ведущими направлениями были скотоводство и мотыжное земледелие. Направленность хозяйственного развития этих племен была предопределена циклическими изменениями климата, которые, по мнению исследователей, привели к уменьшению уровня воды в высокогорных озерах Тянь-Шаня [17]. Эти изменения сопровождались, как мы считаем, обезвоживанием степей и соответственно оттоком населения в долины крупных рек, предгорья (долина р. Коксу) и среднегорье (плато Ой-Джайляу). Пик засухливости приходился на рубеж II—I тыс. до н. э. Смена естественного географического зон обитания приводила к поиску новых форм хозяйствования в новых условиях. Этот процесс происходил очень сложно и постепенно, сопровождался усилением межплеменной борьбы, что нашло отражение в петроглифах святилища Ешке-Ольмес и в гравировках из ущелья Теректы (сцены боя и угона скота).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Оразбаев А. М., Кадырбаев М. К. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
2. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
3. Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук//Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961.
4. Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары//Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.
5. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
6. Кузьмина Е. Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и среднего Востока. 1986.
7. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1968.
8. Максимова А. Г., Ермолаева А. И., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985.
9. Новгородова Э. В. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
10. Дзэлэт М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1962.
11. Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения Каратау. Алма-Ата, 1977.
12. Марьяшев А. Н., Карабаспакова К. М. Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья//Новые памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988.
13. Зданович Г. Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве//КСИА. 1984. Вып. 1.
14. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири//МИА. 1949. № 9.
15. Галочкина Н. Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы//Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.
16. Варфоломеев В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент//Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда, 1987.
17. Шнитников А. Б. и др. Озера внутреннего Тянь-Шаня и их история//Физическая география и палеогеография. Л., 1989.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана
АН республики Казахстан, Алма-Ата

MARYASHEV A. N., GORYACHEV A. A.

ABOUT THE TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF THE BRONZE EPOCH SITES IN SEMIRECHIE

Summary

The archaeological research of the Bronze epoch sites in Semirechie demonstrates the necessity in their complex investigation (settlements, cemeteries, altars, sanctuaries with rock images). The analyses of funeral rite, ceramic complexes and other things testify about mixed character of population of Semirechie in the middle of the II mil. B. C. with the elements of Alakulskaya and Fedorovskaya cultures of Andronovskaya cultural-historical community. The process of population of Semirechie by Andronovo tribes was accompanied by the reclamation of pre-mountained zone and middle-mountained zone and this process promoted to the formation of the nomadic forms of economy.